Научная статья

УДК 81.22

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-19-28

Проезжая через Нижний: Нижегородский текст (опыт реконструкции)

Андрей Евгеньевич Бочкарев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Нижегородский филиал
abotchkaev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9650-8604>

Аннотация

Статья посвящена реконструкции Нижегородского текста русской культуры по свидетельствам путешественников, писателей, публицистов и политических деятелей, поделившихся своими нижегородскими впечатлениями в опубликованных впоследствии путевых заметках, рассказах, очерках и дневниках. Реконструируемый на их основе Нижегородский текст воссоздает с достаточной степенью полноты некоторые сходные для всех вариантов нетривиальные смыслы. В калейдоскопе чередующихся дескрипций Нижний Новгород определяется и как чудесный, и как живописный, и как величественный, и как старинно-русский, и как европейский, и как третья столица России, и как сердце России, и как провинциальный, захолустный, и как православный, и как людской муравейник, и как торговый, базарный, стяжательный. Причем понять, почему в базисных суждениях о городе и его обитателях отбираются такие, а не какие-то другие свойства, можно, установив, что избирается в качестве основания суждения: местоположение, особенности рельефа, планировка, городские строения, исторические события, легенды и предания, ярмарочная деятельность, увеселительные заведения, нравы проживающих здесь людей или нечто другое. Синтетически разрешить внешне противоречивые суждения можно только путем разведения несовместимых дескрипций (i) по разным временным интервалам: например, прежде военный, сейчас торговый; зимой скука, летом веселье; (ii) разным локациям: по отношению к Кремлю, Откосу и Александровской набережной – красив, великолепен и живописен; по отношению к многочисленным церквям и монастырям – православный; по отношению к Толкучке и Миллионке – базарный и стяжательный, по отношению к расположенным близ Ярмарки балаганам, трактирам и притонам – развеселый, пьяный и разгульный; (iii) по разным установкам мнения: для кого-то необустроенный и грязный, для кого-то благоустроенный и чистый; для кого-то благотворительный, для кого-то стяжательный; для кого-то нежный, для кого-то грубый.

Ключевые слова

Нижегородский текст, нетривиальные смыслы, символика городского пространства, установка мнения, оценка, противоречивые суждения

Для цитирования

Бочкарев А. Е. Проезжая через Нижний: Нижегородский текст (опыт реконструкции) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 19–28. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-19-28

© Бочкарев А. Е., 2022

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 19–28
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 19–28

Passing through Nizhny: Nizhny Novgorod Text (Essay-Reconstruction Approach)

Andrey E. Bochkarev

National Research University "Higher School of Economics"
Nizhny Novgorod, Russian Federation
abotchkarev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9650-8604>

Abstract

The paper is dedicated to the reconstruction of the Nizhny Novgorod text in the Russian culture based on the travelers', writers', publicists', and politicians' impressions found in their travel notes, stories, and essays. In the process of reconstruction the Nizhny Novgorod text recreates some non-trivial senses, similar to all the documents concerned. In many predicate descriptions Nizhny Novgorod is described as a beautiful Russian town, a third capital of Russia, a European or provincial town, an orthodox or trade center, as well as a market and money-grabbing place. To understand why such controversial properties are applied to the town we should try and get the essence of these judgments: topography, historical events and legends, urban structure, fair activities, the residents' manners and customs, etc. These contradictions can be solved by defining conflicting judgments (i) in different time intervals: military in earlier times, trading now; hot in summer, cold in winter; (ii) in different loci: with regard to the Kremlin, the Otkos and the Alexander promenade it is beautiful, magnificent and picturesque; with regard to numerous churches and monasteries it is orthodox by God; with regard to the Tol kuchka and the Millionka on a market day it is greedy and money-grubbing; with regard to restaurants, pubs and crack houses near the Fair, it is sloppy drunk, dirty and dissolute; (iii) with regard to different attitudes or opinions: obnoxious, dirty and rude to some, well-managed, prosperous, charitable and delicate to others.

Keywords

Nizhny Novgorod text, non-trivial senses, symbolism of urban space, opinion, evaluation, conflicting judgments

For citation

Bochkarev, A. E. Passing through Nizhny: Nizhny Novgorod Text (Essay-Reconstruction Approach). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 19–28. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-19-28

Постановка проблемы

В отечественной семиотической традиции городское пространство осмысливается нередко как текст, особенно когда описывающие его произведения наделяют его какими-то особыми, нетривиальными смыслами, выходящими за рамки обычного таксономического значения. Так реконструируются Петербургский и Московский тексты русской культуры [Лотман, 2002; Топоров, 2003]. Реконструкция Петербургского текста как «основного текста» культуры совершается на материале петербургских произведений русской литературы XIX–XX вв., в том числе текстах Пушкина, Гоголя, Достоевского, Анциферова, Белого и др. (ср. [Калинин, 2005; 2010; Москва..., 1998; Манн, 2005; Тюпа, 2005]). Несмотря на различия в авторстве, жанре и времени создания, все входящие в корпус тексты обладают с достаточной степенью репрезентативности общими специфическими свойствами, позволяющими обобщить эмпирически данные тексты на следующем по отношению к ним уровне описания как особый тип городского текста. Как пишет В. Н. Топоров [2003], единство Петербургского текста задается не только объектом описания с характерными для Петербурга климатическими, топографическими, этнографически-бытовыми и культурными условиями, но и общей смысловой установкой как отраженной в языке культурной памяти. Петербургский текст отличается особой монолитностью, поскольку каждый из образующих его вариантов характеризуется, несмотря на различия в авторстве, жанре и времени создания, общими свойствами. В оппозиции к Москве Петербург определяется, с одной стороны, по мелиоративным признакам 'европейский', 'культурный', 'цивилизованный', с другой – по пейоративным признакам 'бездушный', 'казарменный', 'казенный'.

В ряду других российских городов заслуживает внимания и Нижний Новгород как особый тип городского текста. Тема Нижнего Новгорода фигурирует в различных источниках – преданиях и легендах, литературных произведениях, очерках журналистов, мемуарах политических деятелей, путевых заметках путешественников, оказавшихся в Нижнем Новгороде по воле случая, проездом или с намерением посетить Ярмарку, навестить близких, полюбоваться открывающимися со стен Кремля и Александровской (ныне Верхне-Волжской) набережной великолепными видами. Однако подвести эти разнородные по жанру произведения под Нижегородский текст как единую структуру текстового бытия, можно, на наш взгляд, лишь при условии, что объединяет их не только тема, но и специфические свойства, которыми наделяются в пределах общей концептуальной схемы все или почти все засвидетельствованные варианты¹.

Обратимся за примерами преимущественно к сторонним наблюдателям – отечественным и зарубежным путешественникам, публицистам и писателям конца XIX – начала XX в., поделившимися своими нижегородскими впечатлениями в опубликованных впоследствии рассказах, очерках и дневниках (Проезжая через Нижний, 2012)². Подчеркнем еще раз, что, несмотря на различия в авторстве, жанре и времени создания, сближает их не только тема, не только объект описания, но и, что важно, сходная смысловая установка. Поэтому, как и в случае с Петербургским текстом, вопрос «кто раньше сказал» или «кто на кого повлиял» становится по сути несущественным в плане общей структуры текстового бытия. Особую остроту межтекстовые переключки приобретают, когда объясняются более глубокими причинами, чем простое заимствование, не влиянием одного автора на другого, одного текста на другой (что, вероятно, имеет место), а наличием некоторой «сверх-традиции» как отраженной в языке культурной памяти.

Ориентиры оценки

В избранном корпусе текстов осмысление Нижнего Новгорода совершается по местоположению, особенностям рельефа, природно-климатическим условиям, знаменательным историческим событиям, легендам и преданиям, по входящим в городское пространство строениям, улицам и площадям, качеству обслуживания в гостиницах, нравам проживающих здесь людей. При этом свойства, по которым задается «смысл», варьируются в значительной степени в зависимости от того, что избирается в качестве отправной точки отсчета.

Неопределенность, потенциально вызывающая разногласия, начинается на стадии выбора и оценки: что избирать в качестве основания суждения и, главное, как оценивать, руководствуясь собственной системой представлений, те или иные аспекты объекта. Так, ценностные ориентиры избираемого по случаю мнения задают контуры смысла, смысловую конфигурацию созерцаемого объекта. Иначе говоря, когда хотят понять, осмыслить, семиологизировать какой-то объект, превратить его в поддающийся прочтению текст, от таксономических свойств объекта переходят к его представлению в мысли³. Особо значимым в таком случае оказывается не только то, что избирается в качестве объекта суждения, но и то, как представляется этот объект в том или ином контексте мнения. В этом отношении установка мнения служит, можно сказать, посредником между объектом и субъектом суждения.

Нижний Новгород характеризуется следующим образом:

- по местоположению – как царственно поставленный: *...царственно поставленный над всем востоком России город* (И. Е. Репин); величественный: *...имеет он <путешественник>*

¹ Разумеется, наряду с Нижегородским текстом можно выделить в качестве самостоятельного объекта и Горьковский текст, противопоставив их в диахроническом измерении по оппозитивным признакам ‘торговый’ – ‘промышленный’, ‘купеческий’ – ‘военно-промышленный’, ‘открытый’ – ‘закрытый’.

² Ср.: [Белоногова, 2007; Фортунатов, 2018; Нижегородский текст..., 2021].

³ Иначе говоря, концептуализации.

пред глазами своими величественную картину местоположения (В. Дмитриев); чудесный: *Местоположение Нижнего Новгорода единственное, чудесное, какого я не знаю лучше* (М. П. Жданов), красиво расположенный: *...необыкновенно красиво расположенный по крутизне город* (М. Чистяков, А. Разин), живописный⁴: *Нижний с реки живописен* (К. М. Станюкович), город прекрасных видов и панорам: *Нижний – город видов, город панорам. Я думаю, трудно найти другой город, который открывал бы буквально отовсюду <...> такие очаровательные виды* (В. М. Сидоров);

- по планировке и застройке – как разбросанный: *Расположение города очень нехорошо, разбросано; улицы кривые, неправильные, кроме одной Рождественской* (М. П. Жданов);

- по значимости – как третья столица России: *Нижний Новгород может назваться третьей столицей России* (Л. А. Ухтомский), крупный европейский центр: *... кипучая деятельность, порядок и благоустройство крупного европейского центра* (Е. Л. Марков), и захолустье: *Этот город <...> так же беспомощен, так же слаб духовно, как и любое русское захолустье* (Е. Шмурло);

- по отношению к историческому прошлому – как оплот российской государственности: *Нижний Новгород, верный своей исторической роли, и в годину лихолетия показал себя тем же гнездом воинствующей народности русской, каким он был в старые века; он встал во главе народного движения на защиту исторического существования России от одолевавшего ее польского католичества* (Е. Л. Марков);

- по отношению к настоящему – как торговый, меркантильный и базарный: *Как непохож теперешний Нижний на Нижний прошлых веков! Куда девался этот боевой город, этот передовой редут, сторожевой ратник восточных границ Московской земли! Он весь исчез в торговой жизни, в меркантильных интересах новых поколений. <...> самые стены Кремля не могут снять с Нижнего его теперешнего исключительно базарного отпечатка* (Е. Шмурло);

- по нравам проживающих здесь людей – как любезный: *Нравы нижегородцев весьма, весьма любезны. Есть странности, но где же нет их!* (В. Дмитриев), железный: *... в одной из здешних легенд нижегородцы названы «железными людьми»* (С. Филиппов), Преподобный Макарий проклял Нижний Новгород: *«Каменный сам, а сердца железные»* (Б. А. Садовской), поклоняющийся рублю: *Рубль – везде, во всем и повсюду: о нем только и говорят, для него лишь живут. <...> И стар, и млад, и прекрасный и не прекрасный пол – всё это поклоняется рублю и его различным разновидностям* (С. Филиппов).

Предметно-пространственные координаты: Верхний город – Нижний город – Заокская часть

Городское пространство осмысливается по семиотически наиболее «сильным» точкам: Верхний город – по Кремлю, Откосу, Александровской (ныне Верхне-Волжской) набережной, Александровскому саду, Печерскому Вознесенскому и Крестовоздвиженскому монастырям, приходским церквям, гостинице Смирнова на Благовещенской площади, улицам Большая и Малая Покровская, а также съездам, соединяющим Верхний город с нижней частью, в том числе Зеленскому, Похвалинскому, Успенскому, Казанскому и Георгиевскому; Нижний город – по Благовещенскому монастырю, Рождественской улице, церкви Рождества Пресвятой Богородицы, построенной именитыми людьми Строгановыми, Почайне; Заокская часть – по Ярмарке, ярмарочному собору, корпусам гостиного двора с лавками, трактирами и балаганами для увеселения народа, близлежащему селу Кунавино (ныне Канавино), Самокатской площади близ Мещерского озера. При этом, как и в случае с другими параметрами

⁴ Об осмыслении отдельных мест городского пространства как особо примечательных «картин» (ср. *Во всей Европе немного встретите вы таких картин*) свидетельствуют, в частности, художественные открытки с фотографиями А. О. Карелина, М. П. Дмитриева, М. А. Хрипкина и др. См. [Царственно поставленный город, 2000].

оценки, оценочное значение варьируется существенным образом в зависимости от того, какая часть городского пространства избирается в качестве основания суждения.

По отношению к Кремлю, Откосу, Александровской набережной и Александровскому саду Нижний Новгород красив, великолепен и живописен: *Какой великолепный и цивилизованный вид открывается с верхней нижегородской набережной, ведущей в городской сад!* (А. К. Гейнс); по отношению к многочисленным церквям и монастырям – православный: *...кроме трех монастырей, до 30 каменных церквей, так что город вполне православный* (А. П. Субботин); по отношению к Ярмарке, Толкучке, Миллионке и прочим торговым местам – меркантильный, базарный и стяжательный: *...самые стены Кремля не могут снять с Нижнего его теперешнего исключительно базарного отпечатка* (Е. Шмурло), *Нижний – это стяжатель, для которого медный пятак единственная цель и стремление* (С. Филиппов); по отношению к гостиницам и постоялым дворам – грязный и дорогой: *...нет ни одного мало-мальски сносного приюта, везде грязь и дороговизна!* (М. И. Семевский); по отношению к расположившимся близ Ярмарки трактирам, балаганам и прочим увеселительным заведениям – веселый, пьяный и разгульный: *...город бесшабашного разгула* (В. М. Сидоров); по отношению к центральным улицам и площадям – благоустроенный и чистый: *...чистота, удобства и приличие бросаются в глаза приезжему, вообще не избалованному в своей родной стране особенно строгим благоустройством городов* (В. Кичеева); по отношению к задворкам и окраинам – грязный и зловонный: *...на задворках и по оврагам скопилось всякая дрянь и отбросы, сточные трубы засоряются, от них часто поднимается зловонный пар* (А. П. Субботин).

Понимание оценочных предикатов не требует особых усилий; затруднение вызывает скорее их истолкование (ср. [Арутюнова, 1998, с. 185]). Понимая, например, значение слов *хороший, замечательный, чудесный* или *плохой* не всегда понятно, почему говорящий находит что-то хорошим, замечательным, чудесным или плохим. Основанием квалификации служат всякий раз какие-то возведенные в абсолют субъективно-личностные аксиологические представления⁵, сообразуясь с которыми можно уяснить, чем собственно хорош, замечателен или плох для субъекта суждения тот или иной объект наблюдения. Например, чем хороша «матушка Волга», почему перед прибывающим на пароходе путешественником открывается «один из величественных видов в целой России», чем плоха нижняя часть города, называемая Нижним Базаром, и чем замечательны, наконец, Нижегородский кремль, Откос или Александровский сад.

В качестве аргумента приводятся разные доводы.

(1) *Ах, хороша ты, матушка Волга!* – восклицает генерал-лейтенант русской Императорской армии этнограф А. К. Гейнс, а затем добавляет: *вольно дышится грудью широкою на твоих водах.*

(2) *Это один из величественных видов в целой России,* – заключает писатель, литературный критик и журналист А. П. Милюков. – *Высокий берег <...> с нагроможденными амфиатрами зданиями и церквями; перед ним две широкие реки, сливающиеся в один величавый поток, а дальше горизонт на тридцать верст, с зелеными лугами, синеватыми озерами и золотыми крестами церквей <...>. Взгляд ничем не сдавлен здесь, и грудь как-то легче и свободнее дышит на таком просторе.*

(3) *Расположение города очень нехорошо,* – констатирует действительный статский советник, вице-губернатор Харьковской губернии М. П. Жданов, посетивший город в поездке по губерниям Российской империи с поручением «наблюдения за состоянием в нашем отечестве сельского хозяйства и в особенности садоводства», а затем поясняет: *разбросано: улицы*

⁵ Эта черта речевых дескрипций в психолингвистике описывается как эмоционально-личностные смыслы, характеризующие все нестандартные, «нелогичные» ассоциативные реакции в ходе ассоциативного эксперимента [Яковлев, 2018, с. 50, 52].

кривые, неправильные, кроме одной Рождественской, отстроенной хорошими купеческими домами.

(4) Нижняя часть города, называемая Нижним Базаром, *плоха*, резюмирует историк, журналист и общественный деятель М. И. Семевский: *...скверная мостовая, грязные улицы, безобразные дома, нечистые лавки и вдобавок ни одной порядочной гостиницы из целого десятка.*

(5) Нижегородский кремль не уступает «по пространству» Московскому Кремлю, полагает А. П. Субботин, автор одного из первых в России руководств по так называемой коммерческой географии, поскольку обладает *такими же толстыми и высокими стенами, возведение которых потребовало египетской работы, пожалуй, немного меньше, чем возведение Хеопсовой пирамиды.*

Разумеется, содержащееся в оценке мнение можно поставить под сомнение, но нельзя опровергнуть факт существования самого мнения. Общая оценка складывается – таков механизм выведения оценки – из приписываемых объекту суждения частнооценочных свойств. Поэтому далеко небезразлично уяснить, какие возобладают в итоге свойства, куда склонится чаша весов – в пользу общей положительной или отрицательной оценки. Весьма примечательны в этой связи суждения, в которых объект наблюдения характеризуется оценочными предикатами с противоположными аксиологическими знаками. Так, в письме графу Панину посетившая Нижний Новгород императрица Екатерина Великая пишет: *Сей город ситуациею прекрасен, но строением мерзок: все либо на боку лежит, либо близко того.* Будучи в целом противоречивой, оценочное значение задается предикатами *ситуациею прекрасен* /+/ *и строением мерзок* /-/ *в отношении противительной конъюнкции*⁶, так что получателю не остается ничего другого, как гадать, какому частнооценочному свойству отдать предпочтение в общей оценке Нижнего Новгорода: прекрасному местоположению на слиянии двух больших рек или плохой планировке. Поскольку общая оценка задается обычно во втором конъюнкте, частные достоинства подавляются, как видно, недостатками⁷. Притом понять, почему в общей оценке доминирует такое свойство, можно только в рамках базовой системы представлений: что больше по душе государыне императрице – живописный ландшафт или регулярный план с «образцовыми» строениями⁸.

Не менее занимательны и противоречивые суждения о нижегородских гостиницах в оценке иностранцев. По заявлению Льюиса Кэрролла⁹, о гостиничном деле в Нижнем Новгороде можно судить по гостинице Смирнова на Благовещенской площади близ Кремля – *ужасной, хотя, несомненно, лучшей в городе.* В качестве основания квалификации английский путешественник приводит такие доводы в виде частнооценочных дескрипций: *Еда там была очень хороша* /+/ *и всё остальное очень скверно* /-/*.*

Особо показательна также оценка харчевен и трактиров на Нижегородской ярмарке. По мнению заезжего гостя из Германии, прусского чиновника барона Августа фон Гакстгаузена, на Нижегородской ярмарке можно было встретить не только харчевни для простого народа с кушаньями из рыбы, грибов, огурцов, картофеля и проч. В различных местах ярмарки были и *хорошие трактиры* с вежливыми половыми в тонких белых рубашках, охотно исполняющими все желания гостей, а после обеда еще и подающими закуренную трубку на длинном чубуке. Однако, заключает немец, *русская кухня на постном масле не совсем по нутру иностранцу, а порционные карты пишутся так неразборчиво, что, несмотря на мно-*

⁶ В определении Н. Д. Арутюновой это «но-отношения» [1998, с. 219].

⁷ В идеальном раскладе недостатки можно, разумеется, если и не подавить, то хотя бы компенсировать какими-то достоинствами в уступительных конъюнкциях с возмещающей частицей *зато*, сказав: *строением мерзок: все либо на боку лежит, либо близко того, зато ситуациею прекрасен.* Предельно убедительной общая положительная оценка становится при этом лишь тогда, когда приводимое в качестве контраргумента достоинство возобладает над частными недостатками, поскольку занимает в иерархии ценностей куда более важное место.

⁸ Ср. в этой связи высочайший указ «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов, по каждой губернии особо» (1763).

⁹ Как и в других случаях, этот пример взят из кн.: «Проезжая через Нижний».

гие немецкие названия кушаний, чрезвычайно затрудняют иностранца. Так оценка входит непосредственно в значение обозначаемых словами реалий: (1) «хорошо», что вежливые половые исполняют все желания гостей и что найти здесь можно многие немецкие кушанья; (2) «плохо», что порционные карты пишутся неразборчиво, что чрезвычайно затрудняет иностранца.

Компаративные классы с функцией оценочной шкалы

Наряду с аксиологическими операторами «хорошо» или «плохо» таксономия оценки проявляется предельно наглядно и в том, как создаются компаративные классы с функцией оценочной шкалы. Особо примечательны в этой связи сравнения Нижнего Новгорода с некоторыми избираемыми в качестве образца городами, занимающими в оценочной иерархии куда более почетное место, в том числе с Москвой, Киевом, Одессой, Парижем, Лондоном, Венецией и Константинополем. Условием сравнения служит всякий раз какой-то избираемый по случаю признак, свойство или состояние, по которому Нижний Новгород уподобляется в том или ином отношении другим городам. Например, по расположению на высоком берегу и открывающимся вдаль просторам Нижний Новгород нередко сравнивается с Киевом: *Своим прекрасным местоположением и видами Нижний напомнил мне Киев* (В. Кичеева), *Вид действительно очень напоминает киевский* (П. А. Крушеван); по оживленным торговым пристаням – с Одессой: *Вам вспоминается Одесса с ее гаванями и торговлей, с ее биржей, ценами на хлеб и погоней за наживой* (П. А. Крушеван); по капитальному строению Ярмарки – с Парижем и Лондоном: *Нижегородская ярмарка может гордиться этой капитальной постройкою перед Парижем и Лондоном* (А. П. Милюков); по весеннему половодью – с Венецией: *На все это особенно хорошо взглянуть весною во время половодья <...> – русская Венеция* (В. Беккер); по положению Нижнего Базара – с Константинополем: *Нижний Базар напомнил мне своим положением Галату в Константинополе. Он точно так же примыкает к городской горе, как и подножие Перы* (А. П. Милюков).

Компаративные ряды могут создаваться, кроме того, и из элементов разносистемных парадигм. Для таксономии оценки принципиально важно при этом уяснить, почему для квалификации объекта избирается такая, а не какая-то другая – тоже окказиональная – точка отсчета: например, базар в суждениях вида *Тепереиний Нижний – это огромный базар* (Е. Шмурло), муравейник в суждениях вида *На ярмарке, внизу, на улицах, на пристанях и пароходах – везде копошится суетливый черный людской муравейник* (П. А. Крушеван), стяжатель в суждениях вида *Нижний – это стяжатель, для которого медный пятак единственная цель и стремление* (С. Филиппов), клад в суждениях вида *Нижний – клад для туриста* (С. Филиппов) или вавилонское столпотворение в суждениях вида *Взгляните на произведения всех стран, на вечно движущиеся обозы, на лавки и магазины с блестящею расстановкою товаров, на этот кипящий народ, в беспрестанном смешении европейцев с азиатцами; обратите внимание на русского торговца, который идет вместе с калмыком, немцем, бухарцем, индийцем, русским извозчиком; представьте эти миллионы капиталов, передаваемых в тысяче разнородных произведений России, Персии, Бухарии, Индии, Китая – и после этого верно назовете Нижегородскую ярмарку Вавилонским столпом по смешению языков стекающих сюда промышленников, связанных между собою узлами обоюдных выгод* (В. И. Беккер).

Колебания в выборе подходящей номинации отражают отчасти сомнения в правильности квалификации. Но, даже признав, что разноречивые суждения зависят непосредственно от избираемой по случаю установки мнения и что в приложении к объекту затруднительно, а подчас и невозможно установить наиболее важные ценностные смыслы, нельзя не задаться вопросом, остается ли объект тождественным самому себе в таком многообразии номинаций.

Вместо заключения

В калейдоскопе чередующихся дескрипций Нижний Новгород определяется в оценке современников разносторонним, нередко противоречивым образом. Действительно, с точки зрения классической логики многие из приложимых к Нижнему Новгороду дескрипций противоречивы, поскольку, как утверждает закон исключенного третьего, один и тот же объект нельзя определять в одно и то же время и в одном и том же отношении противоположным образом. Например, как *прекрасный* и *мерзкий*, *военный* и *торговый*, *благотворительный* и *стяжательный*, *благочестивый* и *разгульный*, *чистый* и *грязный*, *скудный* и *веселый*, *европейский* и *захолустный*, *любезный* и *грубый*.

Синтетически разрешить противоречия можно, как представляется, только путем разведения несовместимых предикатов (i) по разным временным интервалам: прежде оплот российской государственности, сейчас торговый, базарный; (ii) разным локусам: на главных улицах и площадях чисто, на окраинах и задворках грязно; (iii) разным аспектам: в одном отношении благотворительный, в другом стяжательный; (iv) разным установкам мнения: для кого-то нежный, для кого-то грубый.

В результате в общественном сознании формируется внутренне противоречивый образ Нижнего Новгорода со смысловыми доминантами с противоположными аксиологическими знаками – как царственно поставленный и разбросанный, как любезный и железный, как нежный и грубый, как образцово чистый и грязный, как европейский и старинно-русский, как третья столица России и захолустье, как активный и полусонный, как благочестивый и разгульный, как твердыня российской государственности и огромный базар, как православный и забывший основные христианские заповеди. Пониманию здесь подлежит отношение к объекту, интерпретации – квалификация объекта по избираемому по случаю особо примечательному свойству.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д.** Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
- Белоногова В. Ю.** Нижегородский текст в зарубежной и русской литературе XIX века // Грехнёвские чтения: Сб. науч. тр. Н. Новгород: Изд. Ю. А. Николаев, 2007. С. 107–133.
- Калинин И. А.** Петербургский текст как продукт теоретической мифологизации // Петербургский сборник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 24–34.
- Калинин И. А.** «Петербургский текст» московской филологии // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2010. № 2 (70). С. 319–326.
- Лотман Ю. М.** Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Ю. М. Лотман. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 208–220.
- Манн Ю. В.** Петербургский и московский тексты в творчестве Гоголя: принцип дополненности // Петербургский сборник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 193–204.
- Москва и «московский текст» русской культуры / Под ред. Г. С. Кнабе. М.: Изд-во РГГУ, 1998. 224 с.
- Нижегородский текст русской словесности: художественное постижение национальной ментальности: Коллективная монография / Отв. ред. В. Т. Захарова. Н. Новгород: Нижегород. гос. пед. ун-т им. Козьмы Минина, 2021. 406 с.
- Топоров В. Н.** Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 616 с.
- Тюпа В. И.** Коренная мифологема Петербургского текста // Петербургский сборник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 81–91.
- Фортунатов Н. М.** От поэтики места к структуре текста: Нижегородский контекст русской литературы (П. И. Мельников) // Духовная культура Нижегородского региона: опыт сис-

темного описания: Коллективная монография / Под редакцией М. Г. Уртминцевой. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2018. С. 18–31.

Царственно поставленный город. Нижний Новгород в старой открытке / Сост. В. Машковцев; автор текста Т. В. Виноградова. Н. Новгород: Посад, 2000.

Яковлев А. А. Лингвистическая основа общей теории языкового сознания // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 45–55. DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-45-55

Список источников

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>

Проезжая через Нижний / Сост. Н. В. Морохин, Д. Г. Павлов. Н. Новгород: Книги, 2012. 656 с.

References

Arutyunova, N. D. Language and Human World. Moscow, Yazyki russkoy kultury, 1998, 896 p. (in Russ.)

Belonogova, V. Yu. Nizhny Novgorod text in foreign and Russian literature of the 19th century. In: Grekhnev readings: Collection of scientific papers. Nizhny Novgorod, Yu. A. Nikolaev Publ., 2007, pp. 107–133. (in Russ.)

Fortunatov, N. M. From the poetics of place to the structure of the text: Nizhny Novgorod context of Russian literature (P. I. Melnikov). In: Spiritual culture of the Nizhny Novgorod region. An experience of systemic description: Collective monograph. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Uni. Press, 2018, pp. 18–31. (in Russ.)

Kalinin, I. A. Petersburg text as a product of theoretical mythologization. In: Petersburg collection. St. Petersburg, St. Petersburg State Uni. Press, 2005, pp. 24–34. (in Russ.)

Kalinin, I. A. “Petersburg Text” of Moscow Philology. *Emergency Reserve. Debate about politics and culture*, 2010, no. 2 (70), pp. 319–326. (in Russ.)

Knabe, G. S. (ed.). Moscow and the “Moscow text” of Russian culture. Moscow, RSUH Press, 1998, 224 p. (in Russ.)

Lotman, Yu. M. St. Petersburg Symbolism and Problems of City’s Semiotics. In: Lotman Yu. M. Typology and History of the Russian Culture. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2002, pp. 208–220. (in Russ.)

Mann, Yu. V. Petersburg and Moscow texts in Gogol’s works: the principle of complementarity. In: Petersburg collection. St. Petersburg, St. Petersburg State Uni. Press, 2005, pp. 193–204. (in Russ.)

Mashkovtsev, V. (comp.), **Vinogradova, T. V.** (author of the text). A regally placed city. Nizhny Novgorod in an old postcard. Nizhny Novgorod, Posad Publ., 2000. (in Russ.)

Toporov, V. N. The Petersburg Text of the Russian Literature. In: Selected works. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2003, 616 p. (in Russ.)

Tyupa, V. I. Root mythology of the Petersburg text. In: Petersburg collection. St. Petersburg, St. Petersburg State Uni. Press, 2005, p. 81–91. (in Russ.)

Yakovlev, A. A. Linguistic basis for the general theory of the linguistic consciousness. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, pp. 45–55. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-45-55

List of Sources

National Corpus of the Russian language. URL: <http://ruscorpora.ru/>

Morokhin, N. V., Pavlov, D. G. (ed.). Passing through Nizhny Novgorod. Nizhny Novgorod, Книги, 2012. 656 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Андрей Евгеньевич Бочкарев, доктор филологических наук, профессор
SPIN 3213-6724

Information about the Author

Andrey E. Bochkarev, Doctor of Sciences (Philology), Professor
SPIN 3213-6724

*Статья поступила в редакцию 05.03.2022;
одобрена после рецензирования 01.04.2022; принята к публикации 20.04.2022
The article was submitted 05.03.2022;
approved after reviewing 01.04.2022; accepted for publication 20.04.2022*